

ЭЙРИЭНН КОРРИГАН

ТАЙНА ДОМА ГЛЕННОН-ХАЙТС

МОЖНО ЗАПЕРЕТЬ ДВЕРИ.
МОЖНО ЗАКОЛОТИТЬ ОКНА.
НО ВЫ НЕ УДЕРЖИТЕ ЕГО СНАРУЖИ.

Эйриэнн Корриган
Тайна дома Гленнон-Хайтс
Серия «Страшные истории (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67740147

Тайна дома Гленнон-Хайтс: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-123317-4

Аннотация

Оливия уверена: люди, переезжающие на Олкотт, 16, что-то скрывают. Последняя семья съехала глубокой ночью, а новые жильцы, Донахью, понятия не имеют, почему. И только Оливии удастся подружиться с Джейни Донахью, как она становится свидетелем странных событий. А начинается все с загадочного письма от Часового, который утверждает: если семья Донахью «не прекратит вторжение» и не покинет дом, в комнатах скоро запахнет смертью...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	29
Глава 5	57
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	88

СТРАШНЫЕ
ИСТОРИИ

Эйриэнн Корриган

Тайна дома Гленнон-Хайтс

Посвящается Энн Глендон.

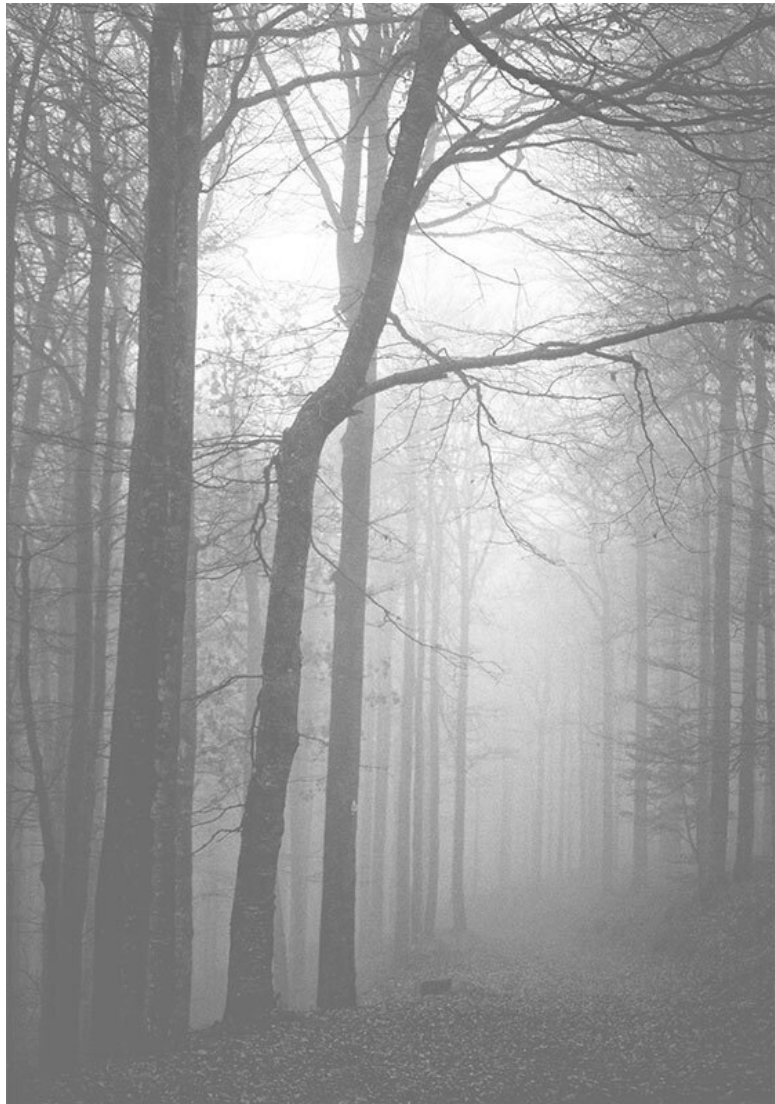
Ты знаешь почему – ведь ты знаешь все.

Eireann Corrigan
CREEP

CREEP Copyright © 2019 Eireann Corrigan. All rights reserved.

© В. Ингсоц, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Те, кто никогда не был в нашем городе, обычно слышали о нем по двум причинам. В восьмидесятые один мужчина убил жену и детей, засунул тела в спальные мешки и вырезал свое лицо со всех фотографий. Он отменил доставку почты, сообщил в школу, что они всей семьей уезжают в отпуск, а потом исчез. По всему дому он оставил включенными лампочки, чтобы окна по вечерам светились – это дало ему фору. Но через месяц лампочки одна за одной перегорели, и соседи наконец вызвали полицию.

Впрочем, я не так уж хорошо знаю эту историю. В кон-

це концов, это было задолго до моего рождения. Но дом так и стоит – такой же жуткий, как на черно-белых фотографиях в «Википедии». В какой-то момент его купили, но новые жильцы никогда не вешают во дворе гирлянды на Рождество и не ставят цветы на окна. словно это какой-то компромисс – они купили дом вместе со всеми его призраками и обязались не выказывать радости оттого, что там живут.

Многие в Гленнон-Хайтс считают, что здание надо было снести. Можно оттереть кровь с пола, но это не отменит того, что здесь умерли люди. Когда стоишь напротив крыльца и хочешь подойти поближе, чувствуешь, как волоски на загривке приподнимаются и тебя охватывает зябкая дрожь, похожая на статическое электричество.

Я не верю в призраков в том виде, как люди обычно их себе представляют. Когда я прохожу мимо этого дома, то не думаю о полупрозрачных фигурах, снующих туда-сюда за окнами чердака. Холодная призрачная рука не опускается на мое плечо. Я скорее думаю, что когда люди испытывают действительно сильные переживания – самые худшие из возможных – эти чувства словно оставляют след в воздухе и на земле и не исчезают, даже когда исчезают сами люди. Так что снос дома не возымел бы никакого эффекта – смерть той семьи все равно навсегда оставила свой страшный отпечаток в этом месте, на самом городе.

Кроме того, если уж говорить о сносе, то одним этим домом не обойтись. Есть еще один, из-за которого Глен-

нон-Хайтс приобрел известность – тоже порождающий кошмары. Даже сейчас, проходя мимо, я чувствую, как внутри все леденеет. Это дом Донахью. Дом Часового. То, что в нем случилось, навеки оставило в воздухе след страха и уничтожило целую семью – как если бы они спокойно ужинали у себя дома, и здание вдруг пропахали бульдозеры.

Глава 2

Можно сказать, что о Часовом я знаю все. Как лучшая подруга Джейни Донахью, могу за это поручиться. С того самого утра, когда грузовик с вещами остановился перед их домом, и до начала учебы полтора месяца спустя мы с Джейни были практически неразлучны. Знаете, как это бывает, когда встречаешь человека, устроенного точно так же, как ты? И понимаешь его так, как никого и никогда раньше? Именно это случилось у нас с Джейни Донахью.

У меня, конечно, были подруги и до встречи с Джейни. Гленнон-Хайтс – небольшой городок, так что всем приходит-

ся друг с другом ладить. Наши мамы заставляют приглашать на день рождения всех своих одноклассников. Но из года в год в любом классе находится пара ребят, которые просто не способны выносить остальных. Помню, в детском саду таким человеком был Раф Круз – он настолько ненавидел громкие звуки, что весь год ходил в специальных наушниках. Сейчас, конечно, никто из нас не осмелится напомнить ему об этом. Раф уже не тот – со своими вечно взъерошенными волосами и мотоциклом-внедорожником. Теперь аутсайдер у нас, пожалуй, Джулия Хабер – она никогда не стирает свои спортивные леггинсы и вечно грызет верхнюю губу, пока из нее не начинает сочиться кровь.

Я никогда не была на их месте и обычно передвигалась по школе в компании одинаково одетых и вечно болтающих подруг. Периодически состав менялся: «Кайя, Элли, Брук и я» превратились в «Брук, Элли и я», а потом – в «Элли, Кайя, Мирабель и я». С появлением в нашей жизни театрального кружка и беговых тренировок пришлось потесниться и дать место Тайлеру и Николасу. Потом были Лиам и Мика, Эдди Робак.

Я всегда могла прийти в кафетерий и подсесть к кому-то за столик и не впадала в ужас, когда учитель объявлял групповой проект. Мне никогда не приходилось в отчаянии искать, с кем бы поговорить.

Но с Джейни было совсем иначе. Я не боялась, что мысли в ее голове отличаются от тех, что отражаются на лице. Ко-

гда Донахью только приехали, мама сказала: «Оливия, тебе стоит зайти поздороваться». Я сделала это из вежливости – подошла к задней двери и крикнула: «Ю-ху!». Мне казалось, что как-то так и должны общаться соседи. Но как только эти звуки вылетели изо рта, я осознала свою ошибку. Так могла сделать разве что пожилая толстушка в фартуке – идеал приветливой соседки.

Джейни в бандане на голове распаковывала коробки в кухне, разрезая упаковочную пленку огромным столовым ножом. Серебристое лезвие поблескивало на свету.

– Кто там? – крикнула она.

– Привет. Я Оливия Данверс. Из соседнего дома.

Джейни встала и толчком открыла дверь с сеткой от насекомых. Она была примерно моего возраста – ну, может, на год младше. Джейни сдула прядь волос с лица, на котором отразилась озадаченность.

– Здесь что, всегда так разговаривают?

– Нет. Просто решила попробовать, – ответила я. Джейни кивнула, полностью удовлетворенная ответом, и открыла дверь шире, приглашая войти.

– Оливия Данверс, ты была мне обещана! – мрачным голосом произнесла Джейни, угрожающе взмахнув ножом. Мой взгляд, должно быть, метнулся к двери, поскольку Джейни издала короткий и даже слегка горький смешок. – Не волнуйся, ты не первая и не последняя, кого мои родители безо всякого стыда использовали, чтобы добиться желаемого. По

сути, они просто наемники, карабкающиеся по трупам тех, кто не успел убраться с их пути.

– Джейни, прекрати.

В дверях кухни появилась миниатюрная коротко стриженная женщина.

– Не обращай внимания на очаровательный юмор моей дочери, Оливия. Риелтор просто сказал нам, что по соседству живет девочка одного с ней возраста. Риелтора зовут Эдвард Макговерн, и, кажется, он знаком с твоей тетей. Так мило, что ты нас навестила.

На мгновение на лице Джейни промелькнуло сердитое выражение, и я подумала: «Это была очень плохая идея. Спасибо, мама. Спасибо, мама Джейни. Спасибо вам, все мамы мира, пытающиеся устраивать социальную жизнь своих детей».

Но затем ее лицо растянулось в улыбке, превратившейся в прерывистый смех.

– Извини. Мне иногда нравится пугать мать, делая вид, что я больше похожа на Бена, чем на Люси. Они близнецы, только она – лучшая ученица в истории, а он – социопат.

– Джейни, хватит! – Ее мать покачала головой. – Перестань называть сестру лучшей ученицей в истории.

– А она бы ею и стала. – Джейни наклонилась ко мне и поделилась первой из сотен тайн, которые нас ждали. – В нашем родном городе. А здесь придется все начинать сначала, и Люси просто рвет и мечет.

– А ты?

Джейни слегка улыбнулась сама себе, словно идя на какой-то компромисс, и сказала:

– Я только перешла в старшую школу – идеальное время для переезда. Меня не пришлось вырывать с мясом, как близнецов. – Когда она говорила таким нарочито веселым голосом, то была очень похожа на свою мать. – Ну и вдобавок теперь мы живем в этих хоромах. – Она обвела рукой обстановку вокруг себя. – В Нортхемптоне мы не могли позволить себе особняк.

Я впервые огляделась вокруг и по-настоящему рассмотрела обстановку. Всю жизнь я провела через четыре дома отсюда, но никогда не ступала дальше крыльца. Дом номер шестнадцать по улице Олкотт-Плейс одним своим видом говорил, что здесь должен жить кто-то знаменитый. Или обладающий сверхъестественными способностями. Это был особняк в викторианском стиле, с выступающими окнами и круглой башенкой, с тремя этажами, громоздившимися друг на друге, словно слои свадебного торта. Белый особняк с серой черепичной крышей и темно-зелеными ставнями – окрестные дома даже близко не соответствовали его величию. Отец говорил, что это делает его безвкусным – словно гость явился чересчур разодетым на домашнюю вечеринку. Но что он вообще понимает? Он оценивает дома по времени, которое требуется, чтобы подстричь лужайку.

Здесь не было мраморных колонн или статуй львов по обе

стороны от крыльца, а если бы и были – никто бы не удивился, не подумал: «Что это здесь делают огромные пафосные львы?» Они были бы к месту.

Конечно, оглядывалась я поначалу исподтишка. Не хотелось, чтобы новые соседи думали, будто меня легко впечатлить. Но, назвав этот дом особняком, Джейни словно дала разрешение разглядывать дом в открытую. Вся кухня отделана мрамором или сияет металлическим блеском, а остальные помещения словно в церкви – сводчатые потолки и запах лака для мебели. Повсюду дерево – им обшиты стены, а более темные панели обрамляют потолок. Тяжелая раздвижная дверь между кухней и столовой заставила меня задуматься о том, как, оказывается, красиво может смотреться кусок цельного дерева – глубокий ореховый цвет, завораживающая текстура. Окна у меня за спиной выше человеческого роста, сквозь затемненное стекло центрального окна падает солнечный свет.

Наверх вела винтовая лестница с толстыми деревянными перилами древесно-желтого цвета. В гостиной – раскрытый зев камина, а по бокам от него – еще два высоких окна. В углу стояли деревянные книжные шкафы до потолка, и мне вдруг страстно захотелось, чтобы за одним из них скрывалась тайная комната, которая откроется, если облокотиться на какой-нибудь стеллаж. Любая мебель в таком помещении покажется слишком маленькой, но я обрадовалась, что все было завешено белыми покрывалами – словно это замок с

привидениями из комиксов про Скуби-Ду. Повсюду расставлены распакованные коробки и ящики, но вокруг пока еще царит пустота.

Джейни понравилась мне с первой секунды. Мне нравилась ее прямолинейность и то, как непредсказуемы были ее слова. Некоторые люди и понятия не имели, как мне тяжело рядом с ними, хотя мы знакомы много лет. А с Джейни мне было легко.

Но, по правде говоря, даже будь это не так, я бы все равно притворилась – хотя бы на первый день или, может, неделю. Я столько раз ходила мимо этого дома, выдумывая разные истории о нем, что считала дом на Олкотт, 16 в каком-то смысле и своим тоже.

И вот я вошла внутрь.

Глава 3

До того как в Гленнон-Хайтс приехали Донахью – до того, собственно, как они решили купить этот дом – на Олкотт, 16 жили Лэнсомы. Но я узнала о том, что они переезжают, еще до того, как дом выставили на продажу.

Моя мама и тетя Джиллиан засели на крытой веранде, устроив свои традиционные посиделки под названием «сангрия по субботам». Сангрия – это просто сок, смешанный с алкоголем, так что каждый раз, когда они это затевают, кончается тем, что тетя Джиллиан ночует в гостевой комнате. А в тот день она была в особенно расстроенных чувствах, по-

тому что рассчитывала, что Лэнсомы обратятся к ней. Они с мамой учились в одном классе с доктором Лэнсомом и миссис Лэнсом, которую тогда звали Хелена Дейвенпорт. Девчонкой она круглые сутки торчала в доме у моих бабушки и дедушки.

Тетя Джиллиан работает в агентстве «Хаус Макс Риэлторс», но Лэнсомы обратились в другое место.

– В «Харрингтонс»! – фыркнула тетя Джиллиан.

– Ну, это весьма хороший участок. – Мама откинулась в кресле-качалке.

– Как будто наше агентство не занимается хорошими участками.

Мама приподнялась:

– Я не имела в виду, что...

– Мы же в Гленнон-Хайтс. Тут тонна хороших участков.

– И многие из них продаются через «Харрингтонс». Я бы не стала воспринимать это на свой счет, Джилл.

Тетя Джиллиан все на свете принимает на свой счет. Может, она даже самую свадьбу Лэнсомов так восприняла. Доктор Лэнсом довольно красив – широкоплечий и выглядит как герой мыльной оперы. Он хирург. А миссис Лэнсом – загорелая модница, вечно хохочущая над тем, как ее трое сыновей много едят и быстро снашивают одежду.

Их младший сын, Тэтчер, учится в старшей школе. Он такой красавчик, что даже немного слишком, у него словно на лице написано: «родители возят меня на сборы по водному

поло». Я была потрясена, узнав, что они собираются переехать ровно в тот момент, когда он идет в выпускной класс.

Я постаралась произнести нарочито скучным голосом, словно участие в разговоре было для меня тяжелой обязанностью:

– С чего они вообще собрались переезжать?

Но мама с тетей Джиллиан продолжали болтать, словно не слышали меня. Тетя Джиллиан жаловалась, а мама ее утешала и одновременно старалась напомнить, что ее существование – не единственная причина, по которой вращается земля или принимаются имущественные решения Лэнсомов.

Терпеть не могу «сангрию по субботам». Во-первых, я не могу позвать никого в гости, потому что тетя Джиллиан, спотыкаясь, слоняется по веранде. Но моя мама об этом не упоминает – она говорит, что ей, как и мне, хочется проводить время с подругами, а когда в доме слишком много гостей, становится шумно. Мне хочется ответить, что, конечно, будет шумно, особенно если один из гостей пьян в стельку, – но я не произношу этого вслух. Как и того, что у моей мамы на самом деле нет подруг – у нее есть только сестра.

Как-то раз мама сама слегка расклеилась и принялась серьезно и с чувством извиняться передо мной за то, что у меня нет сестры:

– Твой отец всегда твердо заявлял, что хочет только одного ребенка, но мне стоило быть настойчивее...

Я довольно быстро свернула тему, но вечером, лежа на

своей высокой кровати с лестницей, представила на нижнем ярусе еще одну кровать. Я была бы более спокойной, более практичной, как моя мама. А сестра была бы смешливой, яркой, всегда готовой рассказать забавную историю. С другой стороны, если бы у меня и правда была такая сестра, это бы выматывало. Я бы полностью терялась на ее фоне.

А у Джейни были и брат, и сестра. Но, поскольку Люси и Бен были двойняшками, это совсем другая история.

– Даже когда они ссорятся, они все равно остаются в замкнутой системе, – рассказывала Джейни. – И их взаимная ненависть не выходит за ее пределы.

Это тоже было в те первые дни, когда она только поселилась по соседству.

В тот момент я не стала спрашивать, почему они ссорятся – не хотела перебивать Джейни. Она продолжала:

– Когда люди говорят о нашей семье, то обычно мы – это «близнецы и их младшая сестра». Как будто без них меня вообще не существует.

– Но ведь вы с Люси – *сестры!* – я произнесла это слово с придыханием, как всегда говорила моя мама.

– Люси так не работает. По сути, она жесткий диск в человеческом обличье. – Но тут голос Джейни стал мягче. – Впрочем, не всегда. Просто детство в одной упряжке с Беном разрушило ее жизнь. И, честно говоря, сложно винить ее за нежелание подстраиваться.

В каком смысле разрушило ее жизнь?

Джейни поерзала и принялась ковырять отошедшую краску на ступеньках заднего крыльца, где мы сидели. Затем наконец произнесла:

– Просто они полные противоположности. Люси не понимает, зачем вообще жить, если ты не идеальная. Ты еще увидишь. Ей всегда нужны самые лучшие оценки и первые места. Но помимо этого, она хочет, чтобы все по-настоящему ее любили. Это она еще не обратила на тебя свои смертельные чары. Скоро Люси выучит названия всех твоих любимых групп и будет помогать с домашней работой. Все, что угодно – лишь бы больше тебе нравиться.

– Больше чем что?

– Чем я.

– Бред какой-то.

Но разве у меня не было схожего желания спрятать Джейни от остальных? Будто она исчезнет, если познакомится с кем-то еще. Как только мама узнала, что мы подружились, то сразу предложила устроить вечеринку с ночевкой у нас дома. «Пригласи всю банду, заодно и познакомишь с ними Джейни», – сказала она. Но я не стала. Да, это было бы правильно и вполне ожидаемо, но казалось, от этого что-то разрушится. Рассеются чары, которые мы с Джейни друг на друга наложили.

Через четыре дня после приезда Донахью мы все-таки выбрались в кофейню, и я позвала Кайю и Брук к нам присоединиться. Было, в общем, нормально. Не считая того, что

на Брук напала жажда соперничества, когда она узнала, что Джейни занимается плаванием, а Кайя устроила свое обычное представление – когда она хочет всем показать, что самая крутая, то начинает отпускать грубые комментарии об окружающих. Мы просидели час за столиком в углу, и большую часть времени я раздумывала, как вышло, что эти люди – мои друзья. Как я вообще выживала все эти годы?

Джейни им понравилась, тут других вариантов и не было. Но гораздо больше их интересовал ее дом.

– Просто невероятно, что ты живешь в бывшем доме Лэнсомов! – вздохнула Кайя, поедая свой бейгл, сдобренный неприкрытой завистью.

– Ты уже узнала какие-нибудь грязные тайны Тэтчера Лэнсома? – захихикала Брук, спрятавшись за своей чашкой большого латте, и ее брови театрально задвигались.

Словно по сигналу суфлера, Кайя вздохнула:

– Брук!

– Кто такой Тэтчер Лэнсом? – поинтересовалась Джейни.

– Он красавчик. Старшекласник. И красавчик. И играет в лакросс, но это неважно, потому что он красавчик.

– А что не так с лакроссом? – спросила Джейни.

Я попыталась ей объяснить:

– В него играют одни мажоры.

– Бен тоже играет в лакросс, – сообщила Джейни. – Это мой брат. И тоже старшекласник.

Вдруг Кайя посмотрела мимо нас в сторону кассы, и ее

глаза округлились. Она начала непонимающе мотать головой.

– Что такое? – Брук повернула голову.

– Не надо! – попыталась та ее остановить. – Не поворачивайся!

– Что вообще происхо... – она вдруг умолкла, потому что одновременно со мной увидела, в чем дело. – Ничего себе.

– Ничего не понимаю.

Джейни растерялась – бедняжка оглядывала кофейню, пытаюсь понять причину внезапного возбуждения.

– Тэтчер Лэнсом – вон он, – объяснила я. – За кассой.

Брук издала смешок, и я пнула ее под столом. Джейни вытянула шею, чтобы его разглядеть.

– Не пялься, – рыкнула Кайя.

– Да что с вами такое?

– Видимо, теперь он тут работает.

– Не думаю, что он нас слышал.

– Да не в этом дело.

– А в чем тогда? Почему вам так смешно? – Казалось, Джейни сейчас расплачется. Я глубже вжалась в красные бархатные кресла, словно пытаюсь укрыться от надвигающейся катастрофы. Наверное, Джейни теперь попросит родителей отсюда уехать.

Но только я открыла рот, чтобы как-то сгладить ситуацию, как Брук сказала:

– Такие, как Лэнсомы, не работают в кофейнях.

Тем не менее, Тэтчер стоял прямо перед нами и принимал смену. Было ясно как день, что он теперь тут работает – его фартук напоминал белый флаг, вывешенный перед объединенными силами сплетников нашего городка.

– Что за чушь, вы о чем вообще? – сказала Джейни.

– Просто это многое подтверждает, – с важностью сказала Брук. Она уже не могла остановиться. – Все думали, что они переезжают. Ну то есть, тогда в этом был бы хоть какой-то смысл. Потому что особняк Лэнсомов останется особняком Лэнсомов, кто бы в нем ни жил. Их предки построили его много поколений назад. Так что, когда Лэнсомы выставили его на продажу, было крайне странно. Особенно в год, когда Тэтчер должен пойти в выпускной класс. Кто вообще переезжает в такое важное время?

– Мы, например, – сказала Джейни с резкой ноткой в голосе. – Это сложно, конечно, но мы справляемся.

– Ну, по крайней мере, с домом вам повезло. А почему, кстати, вы переехали из...

– Нортхэмптона. Было много причин, – ее голос стал еще резче.

– Отца Джейни перевели... – сказала я, но она перебила меня:

– *Было много причин.*

Мне невыносимо захотелось сменить тему.

– Всякое бывает, – сказала я. – Мы же не знаем, может, доктора Лэнсома тоже перевели.

Разговор сошел с рельсов и несся куда-то под откос. Но Брук, казалось, стремилась довести все до катастрофы:

– Ничего подобного. Тэтчер же здесь. Просто теперь он моет наши чашки и протирает полы, что, как ни крути, не очень-то в стиле Лэнсомов. Интересно, а живет он где?

– Может, он решил остаться и закончить школу здесь, – предположила Брук. – Родители уехали, а он нет.

– И что? Устроился на работу, чтобы снимать жилье? – Брук покачала головой. – Нет, тут явно что-то не так. И, к счастью для Джейни, благодаря этому их семье удалось обрести новый дом.

– О да, мне так повезло, – холодно сказала та.

Брук ощетибилась:

– В смысле?

– В том смысле, что какая вам вообще разница? Может, им просто захотелось сменить обстановку. А этому парню просто захотелось поработать в кофейне. Вам-то до этого какое дело?

– Просто ты не знаешь, что они за люди, – попробовала я объяснить.

– Довольно высокомерные, – вставила Кайя.

Джейни посмотрела на меня в упор:

– Раньше ты по-другому говорила. Ты сказала, что они довольно приятные.

– Ну да, но знаешь, такие, отстраненные. Как будто они снисходят до нас, маленьких людишек.

– Оказывается, здесь так пекутся о деньгах.

– Неправда! – выкрикнули мы с Кайей одновременно, чуть не вскочив с места.

– Ну, не так уж, – добавила я. Я обернулась и увидела, как Тэтчер улыбается из-за кассы женщине средних лет, отдавая сдачу. Та важно опускает ее в стаканчик для чаевых и монетки весело звенят, приземляясь на дно. – Просто Лэнсомы – это что-то вроде символа Гленнон-Хайтс.

– Ну, он живой человек, а не символ, – заметила Джейни.

– Может, подойдешь поздороваться? – сказала Брук. – Расскажи ему, где ты живешь. Вдруг он захочет зайти в гости, навестить свою старую комнату.

К моему огромному облегчению, Джейни рассмеялась.

– Ну уж нет. Лучше я подожду – пусть он сам гадает, кто я и откуда взялась. И кроме того, если он увидит, с кем я сижу, знакомства не выйдет.

Мы все рассмеялись, притворяясь, что Джейни просто пошутила. Я сделала вид, что не замечаю, как Брук и Кайя обменялись взглядами и закатили глаза. Джейни, возможно, сказала себе, что рано или поздно к нам привыкнет – мы наверняка лучше, чем сейчас кажемся.

А о чем думал Тэтчер Лэнсом?

Нам его лицо не было ни единой хмурой морщинки, как на тщательно выглаженном фартуке. И я понятия не имела, что кроется за этой гладкостью.

Когда особняк Лэнсомов выставили на торги в «Харрингтонс», тетя Джиллиан решила, что теперь ее миссия – узнать все, что только можно, об их переезде. Через несколько дней она снова сидела у нас на кухне и рассказывала о результатах расследования.

Ей даже не пришлось особенно напрягаться, чтобы выяснить, что доктора Лэнсома никуда не переводили. Ему попросту запретили заниматься медициной, и никто толком не знал почему.

Тетя Джиллиан изобретала различные теории. Сперва она предположила, что его арестовали за вождение в нетрезвом виде, но потом выдумала целую историю, в которой, в частности, фигурировали исчезнувшие рецептурные бланки. Но, в любом случае, проступок был серьезный – ведь ему не просто вынесли предупреждение, а аннулировали врачебную лицензию.

– Бедняжка, – говорила тетя Джиллиан таким тоном, что моментально становилось ясно, что Хелену Лэнсом ей ни капельки не жалко. – Наверное, ей было так стыдно, что она просто не решилась обратиться ко мне по поводу дома. Как будто я стала бы ее осуждать!

Мама только кивала – обычно это заставляло ее сестру со временем утихомириться.

Согласно источникам тети Джиллиан, Лэнсомы планировали отправить Тэтчера в закрытую школу – на случай, если история попадет в прессу. Но тот не захотел уезжать – в этом году он должен был стать капитаном команды по лакроссу, да и от университетских агентов не было отбоя. Так что они переехали в двухкомнатную квартиру на другом конце городка.

– Это временно, – уверяла тетя Джиллиан мою маму, как будто кому-то из них было какое-то дело до того, куда переехала их бывшая подруга с опозоренным мужем и отчаявшимся сыном.

– Он по-прежнему надеется, что совет пересмотрит решение, но на самом деле просто не желает признавать очевидное в плену своих заблуждений – типичный хирург, все они считают себя непогрешимыми. А Хелена продолжает поддерживать его, несмотря на все.

– Ну, Джилл, люди не бросаются прочь из дома, чуть только трудности показались на горизонте, – тихо сказала моя мама. Я изо всех сил пялилась в книгу, притворяясь, что ни на что не обращаю внимания.

Та ночь была одной из самых жарких этим летом. В доме было влажно и душно, так что я вышла наружу и уселась на крыльце. Я думала о своей маме. Когда в ее жизнь пришли трудности и покинули ли они ее когда-нибудь? На лужайке сверкали огоньки светлячков. На некоторых домах горели фонари, собирая вокруг облака мошкары. На Олкотт, 16

было темно. Я попробовала вообразить, как доктор и миссис Лэнсом кричат друг на друга. Или Тэтчер лежит у себя в комнате, закрывая голову подушкой, чтобы ничего не слышать.

Я смотрела на особняк, и мне казалось, что тот смотрит на меня в ответ.

Он-то знает, что произошло.

А мне остается лишь догадываться.

Глава 4

Лэнсомы выехали из особняка на Олкотт, 16 ночью, словно преступники или, наоборот, свидетели преступления, которым угрожает опасность. Наверное, они заранее несколько дней упаковывали вещи в коробки и заказали перевозку на такое время, когда будет совсем темно. И, пока все соседи спали, Лэнсомы беззвучно сновали по ступенькам туда-сюда, перетаскивая шкафы и серванты, пережившие четыре поколения, и личные вещи семьи из пятерых человек. Не слышалось ни напряженного вздоха, ни жалобного звона коробки с дорогим фарфором. Может, доктор Лэнсом сунул водителю

пятидесятидолларовую купюру, чтобы тот не зажег фары, пока грузовик не свернет за угол. А еще все они – и грузчики, и Лэнсомы – могли бы одеться в черное, как воры. И надеть горнолыжные маски, закрывающие лицо, чтобы еще лучше раствориться в темноте.

Но, как бы все не происходило, мы этого не видели.

* * *

О том, что они уехали, мы узнали от почтальона, который громко осведомился, когда заедут новые жильцы.

– Сорок лет ношу почту по этой улице, – сказал он моему отцу. – Странно видеть, как этот дом меняет хозяев.

Тогда мы еще не знали, кто туда заедет – цену выставили небольшую, и покупатели нашлись быстро. Особняк даже никому не показывали – мама собиралась сходить просто ради того, чтобы посмотреть на него изнутри. Когда появился риелтор с табличкой и вколотил ее на лужайке, там уже было написано «Продано».

– А зачем тогда вообще нужна табличка? – спросила я тетю Джиллиан. Мы выгуливали моего пса Тоби. Вернее, я его выгуливала, а тетя Джиллиан воспользовалась этим как предлогом, чтобы поближе посмотреть на табличку конкурирующего агентства.

– Чтобы заявить о своем успехе. Хотя особняк в отличном состоянии и выставлен на торги из-за переезда – только

полумертвый мог бы провалить такую сделку. – Она ткнула пальцем в знак. С покачивающейся деревянной таблички на нас смотрела глупая рожа Неда Макговерна.

– Напыщенный идиот, – бросила тетя Джиллиан. Табличка слегка покачивалась, и казалось, что Нед подмигивает.

– Ты с ним еще общаешься? – спросила я, не думая, что она вообще ответит. Они встречались некоторое время, когда Нед ушел от жены. Это не слишком хорошо закончилось.

– С Недом Макговерном? Надо же, ты помнишь эту историю. – Я смотрела на нее в упор в ожидании ответа. – Ну да, такое сложно забыть, должно быть. Нет, не общаюсь. И слава Богу. – Она отвернулась от таблички и потянула за поводок Тоби у меня в руке. – Пойдем в парк.

Я искоса посмотрела на нее:

– Все нормально?

Она вздохнула.

– Да. Было тяжело. Но, понимаешь, Оливия, мы оба – взрослые люди, принимающие свои решения. Я знала, во что ввязываюсь. Возможно, мне и не стоило этого делать. Но я все равно ввязалась.

– Он до сих пор с женой?

Я знала, что он вернулся в семью. Иногда мы видели их в церкви, в третьем ряду, с двумя маленькими мальчиками, которые катали игрушечные машинки у Неда по плечам.

– Да. А я ушла в другое агентство. Чтобы с ним не пересекаться. Мы не разговариваем. Так что если уж Нед Макго-

верн наделает дел и в этот раз, то точно не из-за меня. – Она посмотрела на особняк. – А с другой стороны, у этого дома есть кое-какая история. Частично я даже рада, что мне не пришлось иметь с этим дела. Верное правило – чем меньше рассказываешь новым владельцам, тем лучше.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. Но она лишь покачала головой и пошла прочь.

* * *

В тот день я продолжала размышлять, как странно бывает устроена дружба. Я преодолела четыре дома до особняка Лэнсомов. Который больше не принадлежал Лэнсомам. В котором совсем недавно жила лучшая школьная подруга моей мамы – хотя к тому моменту, как она здесь поселилась, они уже перестали быть лучшими подругами. Я вспомнила о том, как мы с Кайей Джилспай настолько тесно дружили во втором классе, что остальным все время приходилось называть наши имена вместе – ЛивиКайя – и это превратилось в наше общее имя, на которое мы обе отзывались. Мы все еще дружим, но в последнее время Кайя и Брук общаются куда больше. А еще этим летом я практически не разговаривала с Алли Ходжес, хотя когда-то ежегодно ездила с ее семьей в домик на озере отмечать День Труда.

Об этих приливах и отливах дружбы я и размышляла в тот день, идя рядом с тетей Джиллиан. Но у моей дружбы

с Джейни Донахью не было приливов и отливов, и она не билась о берег тихо, словно прибой.

Дружба с Джейни была больше похожа на океан – и, как в любом океане, в ней были и высокие волны, и коварные подводные течения.

Вот исчерпывающий список фактов, которые я узнала о Джейни Донахью за последнюю неделю июня – первую неделю нашей дружбы.

Ее искренний, произвольный смех со стороны казался фальшивым – он действительно звучал как «ха-ха-ха-ха».

В детстве она косолапила, и ей до сих пор приходилось носить специальные вставки в ботинках. Поэтому она никогда не надевала обувь с открытыми носами, даже шлепанцы в жару.

Известие о косолапости заставило меня заволноваться – известно, что люди с этим качеством обычно бегают быстрее среднего. Но Джейни не занималась никакими видами бега и не собиралась соревноваться со мной за место в команде. Бегом увлекалась ее сестра, Люси. А Джейни больше нравилось нырять.

Она не могла запоминать последовательности цифр даже ради спасения своей жизни, так что мы быстро решили, что в школе у нас будет общий шкафчик и хранильницей кода буду я.

Джейни терпеть не могла Beatles, и когда я удивленно спросила, как вообще кому-то могут не нравиться Beatles, то

выяснилось, что у Джейни на этот счет есть целая теория. Она утверждала, что человеку нравятся либо Beatles, либо Rolling Stones, и эта характеристика целиком описывает его личность.

Возможно, теорию придумал ее отец, но Джейни утверждала, что это ее идея.

Раньше я думала, что мне нравятся «Битлз», но пока мы сидели в ещё не обставленной комнате Джейни со свежевыкрашенными стенами, слушали мрачный голос Мика Джаггера, напевавший «She's my little rock and roll», а между нами стояли пластиковые ящики с музыкальной коллекцией ее отца, я вдруг начала в этом сомневаться.

– Ну допустим. Но я все еще не могу сказать, что мне совсем не нравятся Beatles. И я вообще не понимаю, как они кого-то могут раздражать. – Когда я была младше, то в хоре воскресной школы, в которую я ходила на каникулах, постоянно пели «Let it be». Не то чтобы эта песня была гимном молодости или чем-то подобным, но все-таки с ней многое связано.

– Но от их музыки не хочется приплясывать на месте, – заметила Джейни. – Под какую группу ты хотела бы танцевать?

– Ну, в воскресной школе Rolling Stones точно бы петь не стали.

Мы отошли от пластинок и принялись распаковывать прочие вещи Джейни. Вдвоем мы протащили свернутый в ру-

лон ковер к центру комнаты и развернули его. Оказалось, что Джейни любит орнаменты.

– Ты планируешь поддерживать отношения с друзьями из родного города? – спросила я, на самом деле имея в виду «Есть ли в твоей жизни место для меня». Она довольно много общалась по FaceTime со своими старыми друзьями, телефон разрывался от уведомлений. Тогда, в те первые недели, она читала их про себя, и у меня возникало чувство, что я существую лишь в одной из версий ее жизни. А параллельно она живет еще и другую, в которой меня нет.

– Такое чувство, словно я на орбите, – ответила она. – Знаешь, как в космосе. Я, конечно, понимаю, что это эгоистично, но так странно думать, что жизнь там идет своим чередом, но уже без меня. Кто-то другой займет мой шкафчик в школе, и через пару недель всем перестанет казаться странным, что меня нет в столовой. И все снова замкнется. Без FaceTime было бы еще страннее – как будто сразу после того, как мы уехали, родной город просто испарился.

– Это было бы лучше или хуже? – спросила я. Открывая коробки, я передавала ей стопки одежды, а Джейни складывала их в шкаф. Один этот шкаф стоил того, чтобы переехать в другой штат. В нем было множество ящиков, а маленькая лесенка вела из него прямо на чердак.

Она пожала плечами:

– Не знаю. Возможно, легче. – Джейни захлопнула один ящик, потом другой и посмотрела мимо меня на сваленные

в кучу коробки и постельные принадлежности. – Отец говорит, что мы проведем здесь четыре года и я должна выжать из них максимум.

Донахью много говорили о будущем, о потенциале и возможностях. Это я выяснила в первые дни, когда миссис Донахью спросила, какие курсы я посещаю и какие экзамены чаще сдают выпускники – АСТ или SAT¹. Этого я не знала – я же не какой-нибудь вундеркинд, в отличие, как оказалось, от Люси. Джейни думала, что когда настанет пора поступать в университет, близнецы вернутся в Массачусетс.

– По крайней мере, Люси. Она сразу поступит в Смит².

– Бен тоже?

Джейни фыркнула.

– О, он бы очень хотел! Но это женский колледж. Возможно, поэтому Люси так о нем и мечтает – туда Бен за ней не потащится. Впрочем, он все равно, наверное, сперва возьмет год перерыва.

Бен за все это время даже словом со мной не перемолвился, хотя я чуть ли не круглые сутки проводила в доме Донахью с того дня, как они въехали. Порой мы встречались на кухне, и он издавал какое-то хмыканье – но непонятно, что это было – ленивые попытки с нами поздороваться или произвольные звуки. Честно говоря, я не могла себе пред-

¹ Стандартизированные экзамены в американских школах для получения аттестата и поступления в университет.

² Частный женский гуманитарный колледж в штате Массачусетс.

ставить, чтобы он поехал волонтером в Гондурас или строил дома для бедных вместе с Habitat for Humanity³. На данный момент я вообще не могла представить его общающимся с другими людьми.

– А чем он будет заниматься? – спросила я.

– Возможно, выйдет по УДО. – Джейни пожала плечами и засмеялась.

– Ну, лично я собираюсь поступить в университет в твоём шкафу.

– Чумовой, правда?

– Шутишь? Такое чувство, что, если мы залезем по той лестнице, то попадем в волшебный мир.

– Когда закончу обустраивать комнату, думаю начать захватывать чердак, пока Люси и Бен не поняли, что он общий.

Чердак занимал весь верхний этаж дома. Там было жарко и доски скрипели под ногами, а потолок с торчащими балками создавал ощущение, что мы попали внутрь корабля викингов.

– Он такой огромный, что там можно бегать кросс.

Джейни ухмыльнулась:

– Попрошу родителей установить там бассейн на Рождество.

Я знала, что она шутит, но эта шутка приоткрывала окош-

³ Международная благотворительная организация, которая занимается в основном строительством простого и доступного жилья для бедных и бездомных во всем мире.

ко для разговора, которого я старательно избегала со дня фиаско в кофейне. Я не знала, как Джейни к этому отнесется, так что не стала ходить вокруг да около, а пошла напролом.

– Можно задать тебе вопрос? Чем занимается твой отец?

– Ты имеешь в виду, много ли у нас денег?

– Ну, это очень красивый дом.

– Мама сказала, что это дом ее мечты. – Джейни огляделась. – Может, у нее кризис среднего возраста или что-то типа того, но она нашла его в интернете и просто умом тронулась. Решила, что обязана им завладеть.

Я попыталась это осмыслить: переехать в другой штат, перевести детей в новую школу и порвать все связи с родным местом – все ради того, чтобы купить дом из интернета? Он, конечно, очень красивый, но все-таки это чересчур.

– Подожди, ты серьезно? И тебе не обидно?

– Нам все равно пришлось бы переезжать.

Я помолчала, ожидая продолжения, но оно не последовало. Вместо этого Джейни сказала:

– Нет, мы не слишком богаты. Отец – консультант, так что он может работать откуда угодно. А мама – медсестра. Не то чтобы мы еле сводили концы с концами, но в нашем старом доме мы с Люси жили в одной комнате. А теперь у нее есть башня, а у меня – этот шкаф.

– Но так не делают ни с того ни с сего. Может, они выиграли в лотерею и просто не стали тебе говорить, чтобы не разрушать твои представления о мире?

Мне не хотелось думать, что Джейни говорит неправду, но в этой истории не сходились концы с концами. Может, она просто сама не знает. Или так сильно доверяет своим родителям, что не замечает, что это просто нелогично.

– Никто из ваших близких случайно не умер в последнее время? – предположила я. – Может, это наследство? Или, может, твоя мама ухаживала за какой-нибудь богатой, но одинокой пациенткой, и...

– Похоже, в этом городе все только о деньгах и думают.

Конечно, я совершенно не хотела, чтобы Джейни так считала. Просто все это было очень загадочно. Но потом я словно отступила на шаг и посмотрела на все с точки зрения Джейни, и мне вдруг стало стыдно.

– Мы не... На самом деле это не так уж важно. Просто мне стало любопытно, и я подумала, что лучше спросить.

Джейни на секунду отвернулась и закусила губу, как будто собиралась еще что-то сказать. Но потом кивнула:

– Это правда. Мне нравится прямота. Но, Оливия, если кому-то еще интересно, тут нет никакой загадки. Моя мама влюбилась в этот дом. Она много делает для нас, и мы бы не стали вставать между ней и тем, что сделает ее счастливой. По крайней мере, я бы точно не стала.

Я не хотела еще больше расстраивать Джейни и поэтому не спросила, *кто* мог бы встать между ее мамой и домом на Олкотт, 16. Конечно, все это по-прежнему выглядело странно, но, с другой стороны, это не мое дело. Я попробова-

ла вернуться к тому обмену шутками, который происходил между нами несколько минут назад:

– Значит, на чердачный бассейн бюджета не хватит?

Джейни благодарно улыбнулась и бросила диванную подушку с орнаментом в мою сторону:

– У меня есть еще четыре года на то, чтобы обустроить свою комнату именно так, как мне нравится. Пойдем прогуляемся. Здесь ведь есть общественный бассейн? Пошли вдвоем? Или обязательно звать тех зазнаек из кофейни?

Я почувствовала облегчение, что нам удалось отделаться от напряжения, которое возникло после моего вторжения в личные дела Донахью, поэтому и не думала настаивать на том, чтобы позвать Кайю и Брук. Или кого-то еще, кто мог бы задавать неудобные вопросы. Было такое чувство, словно я – посредница между Джейни Донахью и объединенными силами сплетниц нашего городка.

Джейни надела серьезный спортивный купальник и джинсовые шорты, а потом нацепила на голову очки для плавания. Кайя точно бы ее спросила «Ты что, так и пойдешь?», а я промолчала. По дороге мы зашли ко мне переодеться. «Давай быстрее – я уже чувствую запах хлорки!» – сказала Джейни, а я оставила ее на крыльце и помчалась в дом, перепрыгивая ступеньки. Надев бикини и беговые шорты, я бросила в рюкзак шелковое парео, крем от загара и две бутылки воды.

Когда я с шумом выскочила из дома, то обнаружила, что

Джейни стоит и задумчиво изучает свой собственный дом.

– Боже, какой же он все-таки огромный!

Я кивнула на свой дом:

– Особенно в сравнении.

– Я этого не имела в виду, – тут же сказала она. – Когда мы сюда приехали, то чуть ли не впервые в жизни умолкли все одновременно. Мама с папой приезжали на просмотр, но мы с Люси и Беном впервые его увидели. – Она передернула плечами, словно пытаюсь стряхнуть что-то и прийти в себя. – А теперь я здесь живу.

– Вот именно, сноб!

Она шлепнула меня полотенцем и мы прохохотали половину дороги до бассейна, к которому поехали на велосипедах, с полотенцами вокруг шеи.

Я подвела ее к парковочной стойке, и она спросила:

– Замков нет?

– Ага.

– Такое чувство, что Бен угонит здесь много велосипедов, – пошутила Джейни. Ну или, по крайней мере, я надеялась, что пошутила.

Я записала нас обоих в список у зрителя и огляделась вокруг, ища знакомых. Скорее моих, чем Джейни. В дальнем углу, возле ларька с закусками, стояли Натали Кай и Николь Броди, уткнувшись в телефоны. Еще была пара знакомых девятиклассников и целая толпа ребят помладше, из шестого-седьмого класса, а также кучка их мам, собравшаяся

ся на военный совет рядом с кабинками для переодевания. И несколько парочек – возможно, приехавших домой на ка-никулы – которые загорали на солнце.

Моя мама называла бассейн «Жемчужиной Глен-нон-Хайтс», и сейчас, ярко освещенный солнцем, он выглядел вполне достойным этого титула. А папа обычно называл его «На Что Идут Наши Налоги», и, вполне вероятно, в этом тоже была своя правда, но летом бассейн был одним из центров социализации нашего города, вместе с кофейней и парком Тьюксбери. И неважно, учитеесь вы в воскресной школе, еврейской школе или муниципальном колледже – все равно у всех есть семейный билет в бассейн.

Я встала возле свободного шезлонга, сразу стряхнула шорты и обмотала парео вокруг бедер.

Джейни кивнула с одобрением:

– Симпатично.

– Спасибо.

– Но мы ведь собираемся плавать, правда? Ты умеешь плавать?

– Ну, не так, как бегать.

– В смысле?

– Не так быстро, – я улыбнулась.

Джейни сбросила шорты и пихнула их ногой к шезлонгу.

– А я очень быстро плаваю.

И она помчалась к глубокому концу бассейна и нырнула, умело войдя в воду.

Джейни ни разу не вынырнула, чтобы набрать воздуха, пока не добралась до противоположного конца. Я даже не подозревала, что она такая сильная. Пока ее руки ритмично разрезали толщу воды, мне захотелось стать такой же, как она: целеустремленной, мощной, способной контролировать каждую мышцу своего тела.

Она сосредоточенно подошла к трамплину, с серьезным выражением на лице, глядя куда-то на точку в самом конце доски. Сделала четыре-пять решительных шага, дважды подпрыгнула и нырнула так, что у всех перехватило дыхание.

Я никогда не видела, чтобы люди так ныряли не в кино, а в реальной жизни. Она взлетела вверх, ее тело свернулось в комок, так что она обняла руками собственные бедра, а потом уверенно перевернулась в воздухе и вошла в воду.

Старшеклассники, расслабленно отдышавшиеся на шезлонгах, приподнялись, наблюдая, как Джейни стрелой несется сквозь толщу воды, как мелькают ее загорелые руки и черный купальник. Один даже подошел и встал рядом со мной, чтобы посмотреть с более удачного ракурса. Он был долго-вязый, с отросшими рыжеватыми волосами, заправленными за уши. Я знала его в лицо, но не помнила имени.

– Это твоя подруга? – спросил он.

К этому моменту у меня уже перехватило дыхание, и я сосредоточенно наблюдала за Джейни, чтобы не смотреть на него. Она энергично двигала ногами под водой, и я наконец осмелилась перевести взгляд на его ступни. На них были вес-

нушки, а на пальцах росли тоненькие рыжие волоски.

– Она учится в школе Гленнон-Хайтс?

– Теперь да.

– Зачетно.

Как будто услышав его, Джейни направилась прямо к нам. Она вынырнула и схватилась за обложенный плиткой бортик, разминая руки и мотая головой, чтобы мокрые волосы не лезли в глаза. Долговязый кивнул ей – я видела, как шевельнулась его тень.

– Да? – спросила Джейни таким тоном, как будто долговязый к ней обратился, а я каким-то образом не услышала, что он сказал.

Смотритель вдруг яростно засвистел в свисток.

– Нырять запрещено! – закричал он.

Джейни резко повернулась и вскинула голову:

– Но тут же есть трамплин.

– Так нырять запрещено.

Долговязый закатил глаза:

– Расслабьтесь, офицер.

Его губы сложились в еле заметную улыбку, и он сказал, глядя на Джейни: – Увидимся. – Потом пошел обратно к своим друзьям, а Джейни, совершенно не смущаясь, проводила его взглядом.

– Кто это? – спросила она.

– Не знаю. Какой-то старшеклассник. Давай лучше обсудим твой потрясающий прыжок.

– Наверное, он занимается плаванием.

– Ну, наверное, да. Ты знала, что у тебя есть суперсила?

– Может, подойдем к ним?

– Давай не будем. Там одни старшеклассники.

– Ну да. Такие же, как Люси и Бен, то есть всего на пару лет старше нас.

Я посмотрела в пол и помотала головой. Джейни легко могла бы к ним подойти. Они бы с ней поздоровались и стали бы восхищаться ее прыжком, а она бы делала вид, что не представляет, как потрясающе выглядит, когда крутится в воздухе перед погружением. А я бы просто стояла рядом, глядя в пол и считая минуты до момента, когда смогу незаметно улизнуть.

Но Джейни не стала на меня давить.

– Ладно. Ты пойдешь в воду?

Я рассмеялась:

– А что, у меня есть выбор?

И мы просто исполосовали бассейн вдоль и поперек. Я даже перестала замечать чужие взгляды и просто наслаждалась контрастом между теплой водой и прохладным воздухом. А Джейни ныряла с trampлина всякий раз, когда охранник отворачивался. Все смотрели на нее, сворачивая шеи, а один раз какая-то женщина на мелкой стороне бассейна даже заплодировала. Мы часто останавливались, облакачивались спинами на бортик, чтобы отдохнуть, и болтали.

– Наконец я снова чувствую себя в своей тарелке, – сооб-

щила она, болтая ногами перед собой. – Приятно понимать, что даже несмотря на переезд в другой штат это, – она кивнула на бассейн, – все равно остается со мной.

– Можем завтра опять сюда прийти.

– Рано-рано с утра? – с надеждой спросила она.

– Он открывается в восемь, но, по-моему, это все-таки рановато. Всего через 12 часов.

Мне казалось, что мои пальцы к тому времени еще останутся сморщенными от воды.

– Обычно я ныряю перед тем как пойти в школу. Каждое утро.

– Давай так: встанем рано утром и доберемся досюда бегом, а потом ты будешь плавать.

– Мы обе будем плавать и тогда к концу лета станем самыми популярными девчонками в классе. Практически супергероинями.

Я рассмеялась, представив, как мы с Джейни расхаживаем по школе, пугая старшеклассников своими мускулистыми лодыжками.

– Хоть бы у нас было общее расписание. Если мы попадем в одну группу, то занятия физкультурой и обеденный перерыв будут в одно время.

Смотритель дунул в свисток и крикнул:

– Закрываемся через пять минут!

Но даже в его голосе звучала уважительная нотка. Он тоже оценил способности Джейни.

– Спасибо, – кивнула она и одним движением выскочила из воды. А я выбралась по лесенке как обычный человек.

– Надо сказать родителям, чтобы купили сюда пропуск. А школьный бассейн как выглядит?

Я вытерла волосы и прикусила губу, пытаюсь вспомнить. Прошлой весной у нас был ознакомительный тур.

– Ну, там есть вода...

– А трамплины?

Я покачала головой.

По дороге домой у меня болели ноги. Я ехала первой и показывала дома наших одноклассников, мимо которых мы проносились. Солнце уже садилось, над головами плыли розовые облака. Я подумала о том, как же красиво у нас в городе – в такой чудесный вечер Джейни не будет грустить из-за переезда.

Добравшись до ее дома, мы провели велосипеды к заднему крыльцу и обнаружили, что вся семья Донахью собралась во внутреннем дворике.

– Оливия! – поприветствовала меня ее мама так сердечно, словно я была почетной гостьей на мероприятии.

Миссис Донахью и Люси сидели на белом диване-качалке, а между ними расположилась стопка кукурузных початков, которые они чистили.

– Вы очень вовремя. Мы как раз собирались готовить поздний ужин. Гэвин, это Оливия Дэнверс, она живет по соседству.

Я пока не была официально представлена мистеру Донахью. Все предыдущие разы, когда я встречала его где-то в доме, он прижимал к уху мобильный телефон и яростно жестикулировал свободной рукой.

– Привет, Оливия. Спасибо, что не даешь Джейн скучать на новом месте. Хочешь бургер? Мы сейчас поджарим еще парочку. – Он махнул рукой в сторону Бена, стоявшего за грилем.

Я думала, что Бен будет недоволен, но он просто улыбнулся как обыкновенный подросток. И, как раз потому что он и был обыкновенным подростком-мальчиком, а я – крайне социально неловкой, у меня не вышло посмотреть ему в глаза – только тихо пробормотать «Я люблю бургеры».

– Мы ходили в бассейн, это просто чудо какое-то, – Джейни села и с чувством вздохнула. – А еще мы проголодались как волки. Да, Лив? Ты не проголодалась?

Возможно, она не слышала, что я только что сказала. Или бросала мне спасательный круг – возможность поучаствовать в разговоре в роли нормально развитого члена общества.

– Да, – выдавила из себя я. – Очень проголодалась. – И раз уж предыдущие реплики так хорошо пошли: – Мы очень много плавали.

– А куда вы ходили? – спросила Люси с завистью в голосе. Джейни потянулась:

– Тут есть общественный бассейн.

– Он называется «Седар Рич», – добавила я. – Туда любой может пойти. Если хочешь, можешь взять наши гостевые билеты и сходить посмотреть, – предложила я.

– Там круто. А Лив сводит меня в школу, чтобы я могла назначить встречу с тренером по плаванию. – Она повернулась ко мне: – Сходим завтра?

Миссис Донахью собирала кукурузные очистки в небольшое металлическое ведро.

– Очень мило со стороны Лив предложить помощь, но я думаю, нам стоит сходить в школу всем вместе. Я бы хотела убедиться, что ваши документы туда прибыли.

– И можно познакомиться со школьными консультантами! – с энтузиазмом сказала Люси.

– Я не пойду, – бросил Бен, накладывая бургеры на тарелку. И прежде чем я успела сообразить, что на это ответить, он повернулся с ухмылкой убийцы: – Ничего личного, Ливви. Просто я пока не готов даже вспоминать о школе.

– Ничего, я понимаю, – выдавила я и, вероятно, покраснела. Никто раньше не называл меня Ливви. Сперва я даже испугалась, что он придумал для меня прозвище, которое теперь не отлипнет. Но потом подумала, что, возможно, он просто не расслышал, как меня зовут.

– Да, конечно, мы все понимаем! – Люси, глядя на меня, закатила глаза. – Ты слишком хорош для того, чтобы волноваться о таких приземленных вещах.

– Люси, перестань, – строгим тоном сказала миссис Дона-

хью. – Джейни, Оливия, пойдите умойтесь и принесите салаты со стола.

Когда я снова вышла во дворик, мои руки пахли жимолостью от мыла, солнце совсем село и кто-то зажег свечи вдоль террасы. Мы поставили миски на стол, и Люси и Бен подвинулись, чтобы поставить еще один стул. Мой желудок – живое существо, о котором я даже не вспоминала с самого завтрака – чуть ли не подпрыгнул в животе, когда я уловила запах чизбургеров, возвышавшихся на блюде посреди стола.

– Выглядит совершенно восхитительно. Спасибо большое, – сказала я.

– Мы не из тех, кто молится перед едой, – Джейни, Люси и Бен с ухмылкой переглянулись, и я поняла, что мистер Донахью всегда говорит одну и ту же речь, когда к столу присоединяются гости.

– Мы практикуем благодарность, – добавила миссис Донахью.

– Все так. Мы любим вспоминать о чем-то, что заставило нас чувствовать себя благодарными. Бен, начнешь?

Тот картинно прочистил горло. Голос его звучал совсем как у взрослого мужчины.

– Я искренне благодарен тому, что у нас наконец есть вай-фай.

– Весьма глубокомысленно, – сказала Люси. – Но я присоединяюсь. Благодарю тебя, Comcast⁴. – И после совсем ко-

⁴ Американский интернет-провайдер.

роткой паузы, видимо, пока родители не успели рассердиться, добавила: – Спасибо за новые вызовы, которые ты посылаешь. – В ее голосе было какое-то напряжение, так что я не поняла, сарказм это или нет.

– Я благодарна за своих одухотворенных, легко приспосабливающихся к обстоятельствам и щедрых детей, – сказала миссис Донахью. – И за Оливию.

– Я тоже. – Улыбнулась мне Джейни. – Спасибо за Оливию.

– Прекрасно. – Мистер Донахью с улыбкой оглядел стол. – Я благодарен за свою восхитительную жену. И ее картофельный салат.

Дети застонали, и Джейни шепнула мне:

– Он всегда говорит одно и то же. Про жену.

Бен добавил:

– А вот картофельный салат у нас на ужин не всегда.

Джейни заметила:

– Лив ничего не говорила.

И все руки, потянувшиеся к еде, тут же зависли в воздухе. Джейни повернулась ко мне:

– Давай, твоя очередь.

– Я благодарна за место, где я живу. – Это прозвучало не совсем так, как я хотела. – И вашей семье за то, что вы приехали сюда.

Это было уже ближе. Но если бы я была абсолютно честной и могла говорить открыто, то, возможно, сказала бы что-

то вроде: «Спасибо за возможность почувствовать себя своей». Именно так я себя чувствовала. Улыбнувшись, глядя на собравшихся за столом, я понадеялась, что хотя бы Джейни уловила эту мысль.

– Кстати, Люси, – проговорила Джейни, – Лив занимается бегом по пересеченной местности.

– Мама мне говорила. Я тоже. Какое у тебя минимальное время?

– Не знаю, – ответила я, чувствуя себя ужасно глупо. – Я еще не бегала полную дистанцию.

– Она же только в девятом классе, – сказал Бен.

– Без тебя знаю! – взорвалась Люси.

– Люси, – снова вступила миссис Донахью, и в ее голосе звучало предупреждение.

Люси сделала глубокий вдох, словно бы прилагая усилия, чтобы сохранить спокойствие.

– Возможно, в этом году я не буду бегать. – Руки, передававшие друг другу тарелки через стол, тут же замерли. – Я еще не решила. Вообще-то надо сосредоточиться на учебе. Когда я узнаю свое расписание, тогда и буду думать об остальном.

– Бег помогает самодисциплине, – сказал мистер Донахью.

Миссис Донахью торопливо продолжила его мысль:

– У нас еще много времени. Мы ведь только приехали. Спросим совета у школьного консультанта, послушаем, что

он скажет, и будем думать.

Мне хотелось, чтобы они снова заговорили о благодарности и картофельном салате. Хотелось, чтобы мне было что сказать, чтобы ко мне прислушивались. Так что я произнесла:

– Возможно, расписание уже прислали. По крайней мере, его предварительную версию. – Я посмотрела на Джейни, Бена и Люси. – Мое пришло по почте на той неделе.

Люси положила вилку:

– Приходило что-нибудь от школы? – Она посмотрела сперва на мать, потом на отца. – Вы проверяли почту?

Мистер Донахью кашлянул:

– Я только складывал ее на мраморном столике в прихожей. По-моему, из школы ничего не было. Что-то приходило от городского правления – счета, наверное. Завтра все разберу.

– Гэв, бумаги из школы и должны приходиться от городского правления, – медленно произнесла миссис Донахью, явно считая этот факт совершенно очевидным. – Спасибо, Оливия. Мы посмотрим.

– Оно все равно предварительное, – сказала я. Не хотелось, чтобы Люси занервничала еще сильнее. Но она встала, резко отпихнув от себя стул, и молниеносно исчезла в доме. Через минуту мы вдруг мы услышали резкий вопль.

– Оно тут! Я нашла!

Вот это интрига, я чуть не умер, – пробурчал Бен.

Люси пулей примчалась назад, держа в руке толстую стопку конвертов, каталогов и рекламных проспектов.

– Они даже подписаны нашими именами, – сказала Люси, водружая стопку посреди стола. – Даже не знаю, как ты мог перепутать их со счетами. – Она подала Бену толстый конверт с отпечатанным на нем адресом: – Хотя может, ты уже начал получать тут штрафы. – Бен передернул плечами, взял конверт и положил рядом с тарелкой.

Джейни схватила конверт с расписанием и немедленно вскрыла.

– Ты помнишь свое? – возбужденно спросила она.

– Более-менее. – Я задумалась, пытаюсь вызвать перед глазами таблицу. Потом мы вместе проглядели расписание Джейни.

– По-моему, мы вместе ходим на историю. И на физкультуру. Это хорошо, потому что тогда обед и классный час у нас тоже в одно время. – Я пригляделась. – Я тоже хожу к мисс Монтроуз на геометрию, она очень хорошая. Всегда внимательная и помогает. Даже если занятия будут в разное время, домашнее задание можно делать вместе.

Я подняла глаза, чтобы проверить, не нарушила ли я этим предложением какой-нибудь кодекс чести семьи Донахью. Но мистер и миссис Донахью с ожиданием смотрели на Люси, которая, казалось, перестала дышать. Наконец мистер Донахью произнес:

– Ну, Люси? Что думаешь?

Повисла тишина, и единственным звуком, который ее нарушал, было жевание Бена. Наконец Люси посмотрела на родителей:

– Просто идеально.

Она выделила это слово, будто выдавала почетную медаль, и засияла улыбкой. – Курс по дифференциальной математике – это даже более высокий уровень, чем продвинутые курсы. Думаю, я справлюсь. Продвинутый курс по экономике и физике, латынь и дополнительный курс по творчеству Шекспира, чтобы это уравновесить. И, похоже, мои баллы за рисование зачили, так что осталось место для продвинутого курса информатики.

– Ты можешь ходить на рисование просто так, – сказала миссис Донахью. – Или записаться на самоподготовку, чтобы меньше заниматься дома.

Но Люси продолжала, словно ничего не слышала:

– Лив, ты знаешь кого-нибудь из учителей? Может, что-то слышала? – Она подвинула ко мне свое расписание и потянулась за конвертом Бена. – Тебе разве не интересно?

Он ничего не ответил, просто взял себе еще один гамбургер.

Люси драматично вздохнула и вскрыла его конверт безупречно наманикюренным ногтем.

– Латынь у нас вместе. Но это хорошо, ты ее лучше знаешь.

– А это что такое?

Джейни занималась сортировкой остальной почты и держала в руке квадратный белый конверт, аккуратно подписанный печатными буквами. Ни марка, ни почтовый штамп не пятнали его безупречную белизну. Она бросила его мне, и, взяв конверт в руки, я отметила, что он кажется тяжелым и официальным – словно приглашение на свадьбу.

На нем стояла всего одна строчка:

«Жильцам дома Олкотт, 16»

Конверт вскрыла Джейни.

Глава 5

Она вынула оттуда карточку из плотной бумаги и принялась читать. В процессе изумление на ее лице сменилось непониманием и, наконец, испугом. Она повторила: «Что это такое?» – и в голосе появилась новая нотка: страх. Она уронила карточку на стол надписью вниз.

– В чем дело? – Миссис Донахью потянулась к посланию.

– Нет, стой, – сказала Джейни.

Люси опередила мать и схватила карточку со стола. Мгновенно прочитав, она прикусила губу, а затем в упор глянула на Бена:

– Знаешь что, ты вконец спятил!

И она чуть ли не швырнула в него конверт.

– Как скажешь, сумасшедшая, – сказал Бен. Судя по всему, он ничего не понимал.

– Нет уж, теперь у тебя начнутся серьезные проблемы.

– Это не Бен написал, – шепотом проговорила Джейни. – Сама подумай. Вряд ли он...

– Вряд ли он что? – вклинился Бен. – О чем вы вообще? – Он внимательно изучил конверт.

– Именно, – сказала миссис Донахью. – Леди, что вообще происходит?

Люси положила карточку в центр стола. Из-за свечей казалось, будто бумага светится, и на ней еще отчетливее выделялись угольно-черные буквы, так что их несложно было разобрать.

Я – Часовой Гленнон-Хайтс. Много лет назад я назначил дом на Олкотт, 16 местом призыва. Эти стены не потерпят вашего присутствия. Потолки будут сочиться кровью, окна разлетятся на куски. Если вы вскорости не покинете это место, запах тлена наполнит дом.

Я проглядела текст еще раз, уверенная, что что-то упустила. Но нет, зловещие слова не изменились – а вот сидевшие вокруг меня из дружной семьи вдруг превратились в потрясенных людей, швыряющих друг в друга обвинения.

– Вот ему обязательно нужно было все испортить! – за-

явила Люси.

– Ты с ума сошла. Я сижу прямо перед тобой и ем чизбургер.

Джейни решила занять позицию миротворца:

– Наверное, это была шутка. Но, Бен, серьезно, нам не смешно.

Мистер Донахью взял карточку и поднес ее к самому лицу, внимательно изучая.

– Гэвин, что ты делаешь? – вскричала миссис Донахью. – С нее, возможно, будут снимать отпечатки пальцев!

– Какие еще отпечатки? Не говори глупостей, Линдси. Бен, как мужчина с мужчиной: это твоих рук дело?

– Как мужчина с женщиной – нет, папа, это не я.

Бен поглядел на меня и закатил глаза, и я почувствовала, как заливаюсь краской: судя по всему, он считает меня своей союзницей. Пришлось напомнить себе, что я на стороне Джейни.

Мистер Донахью отправил карточку обратно в центр стола:

– Бен говорит, что он ни при чем.

– Ну тогда ладно, – с откровенным сарказмом произнесла Люси.

– И, в любом случае, это просто безобидный розыгрыш.

– Я бы не назвала его безобидным, Гэвин.

– Возможно, кто-то из местных просто решил поразвлечься.

Я неловко поерзала на стуле.

Джейни похлопала меня по руке:

– Он не имеет в виду тебя, Лив.

– Даже не могу представить себе, кто бы мог... – начала я.

– Но кто-то смог. – По сухому тону Люси было ясно, что она не готова вычеркнуть меня из списка подозреваемых.

Миссис Донахью откашлялась. Все это время она сжимала в руке салфетку. Когда она наконец положила ее на стол, та была похожа на смятый белый цветок.

– Дети, почему бы вам не убрать со стола? Нам с вашим отцом нужно поговорить. Оливия, прошу извинить нас.

Я пулей вскочила и постаралась собрать как можно больше тарелок. Джейни делала то же самое, а Бен и Люси остались сидеть, сверля друг друга взглядами. Наконец их отец сказал:

– Вам что, нужно официальное приглашение?

Только тогда их стулья зашуршали, отодвигаясь, и они неохотно взяли по салатной миске.

Торопливо двигаясь к двери, я услышала, как миссис Донахью отчитывает мужа:

– Не все понимают твой сарказм, Гэвин! Дети перепугались.

– Знаешь ли, я думаю, что они выживут. Особенно если их мать перестанет вести себя так, словно им по три года.

– Что ты сказал?

– Ты прекрасно слышала.

Слушать, как ругаются чужие родители, еще более неловко, чем когда ругаются твои собственные. Но я все равно постаралась встать поближе к окну, напрягая слух, чтобы уловить их голоса за стуком тарелок, которые мыли Джейни и Люси.

– Ну, прошу прощения за то, что отнеслась к этому серьезно. Ты позвонишь в полицию или мне самой это сделать?

– Ты вообще понимаешь, что несешь?

– Я позвоню на обычный номер, а не на горячую линию.

– Замечательно. Думаю, что даже в Мичигане люди не звонят на горячую линию из-за письма.

– Ты что, ничего не понял? Это же настоящая угроза.

– Это розыгрыш. Ты же взрослый человек, Линдси. Твоя задача – снимать напряжение, а не накручивать ситуацию еще больше.

– Извини, конечно, но я считаю своей основной задачей безопасность своих детей.

Вдруг на мое плечо опустилась рука, и я громко вздохнула от неожиданности. Бен наклонился ко мне и прошептал громким театральным шепотом:

– Ну как, интересно?

Легко можно понять, что он во мне разочарован.

– Извини. Просто...

– Сложно отвести взгляд от поезда, сошедшего с рельсов, да?

– Я бывала в подобных поездах.

– Сомневаюсь. Не сможешь вытереть тарелки?

– Конечно, – тут же выпалила я.

Но, пока я продвигалась к раковине, снаружи раздался отчетливый звук бьющейся посуды, и все умолкли. Повисла мертвая тишина, а потом Люси произнесла:

– Конечно, только этого не хватало.

– Надо было все оттуда забрать, – добавил Бен. Близнецы на мгновение встретились взглядами, в которых светилось понимание. – Люси, я не писал этого письма. Я бы не мог... Нет, ну ладно, раньше, когда я был младше и безбашеннее, то мог бы. Но я этого не делал, клянусь. Джейни, медвежонок, слышишь? – Он обнял ее одной рукой. – Я клянусь.

– Разумно, – со вздохом признала Люси. – Ты не стал бы возиться с изменением почерка.

Все они стояли рядком возле раковины. Люси опустила голову Бену на плечо, а он продолжал одной рукой обнимать Джейни. Я стояла позади них, остро чувствуя собственное одиночество. Сильнее этого ощущения было только чувство того, что мне здесь не рады.

Голоса снаружи стали громче, и Люси, Бен и Джейни снова занялись делом. Они, казалось, не удивились и не испугались, вместо этого так сосредоточенно занимались уборкой, словно полная посудомойка могла бы исправить ситуацию. И даже Джейни не обернулась, чтобы заговорить со мной. Я незаметно улизнула в гостиную и написала своей маме: «Кажется, тебе стоит меня забрать».

Я увидела, как на экране прыгают круглые точки: мама размышляет над ответом.

«Все нормально?»

Как только о ситуации узнает моя мать, она сразу же превратится в Историю. Это было очевидно. Она терпеть не могла шумиху любого рода. И уже начала беспокоиться, не слишком ли много времени я провожу с Джейни. «Вы стали совершенно неразлучны, – говорила она мне этим утром. – Солнышко, тебе повезло иметь так много друзей. Не позволяй себе потерять их, увлекаясь кем-то новым».

Всего через несколько минут моя мать появится на пороге и увидит пятно позора, покрывающее наших доселе безупречных новых соседей. А я не хотела давать ей повода недолюбливать Джейни еще сильнее. Так что я попыталась как-то снизить накал страстей и несколько раз стирала и переписывала свой ответ. Наверное, это еще больше ее встревожило, так что она написала: «Что-то с Джейни? В чем дело?» Точки мигали, ожидая моего ответа.

«Нам пригодился бы твой совет», – наконец написала я. Потом сообразила, что это совершенно ничего не проясняет, но решила, что будет проще объяснить на месте. Если бы я написала что-то типа «Донахью получают угрозы по почте», мама точно сочла бы это чересчур претенциозным.

Когда я вернулась в кухню, Люси и Джейни сидели за столом, а Бен примостился на ступеньках, ведущих наверх. Когда миссис Донахью показывала мне дом, то сказала, что эту

лестницу сделали такой узкой, потому что в прошлом ею пользовались слуги.

– Разве слуги были такими маленькими? – непонимающе спросила я.

– Нет. – Она рассмеялась. – Просто никого не интересовало, будет ли им удобно.

Поначалу я думала, что жить в доме с потайными коридорами и секретными лестницами – это очень круто. Но, сидя тут в ожидании приезда мамы, я заново оценила привлекательность всех этих темных углов и потайных каморок. Раньше неловкость от того, что я в чужом доме, не давала мне испугаться. Но сейчас, стоило мне вспомнить тщательно выведенные чернилами слова, сердцебиение учащалось. Я еле подавила желание выскочить из полутемного особняка и со всех ног помчаться домой.

Сидя на ступеньках, словно на жердочке, Бен посмотрел на нас и сказал:

– А что если это правда?

– Я бы сказала, что здесь скорее стоит запах чистящего средства, а не тлена, – сухо прокомментировала Люси.

– Ну серьезно, Люси, ты же понимаешь, о чем я. Что если кто-то правда считает, что мы сюда вторглись? Может, люди, которые жили тут раньше, – чокнутые?

– Ты имеешь в виду бывших владельцев, которые УЕХАЛИ ИЗ ГОРОДА? – сказала Люси, но Бен не понял намека. – Они уехали насовсем, Бен. А на письме даже почтового

штампа нет.

Мы с Джейни переглянулись.

– Что? – спросила Люси, но я помотала головой. Не знаю почему – наверное, из-за странного чувства преданности Лэнсомам. Но она властно произнесла: – Ну-ка выкладывайте.

– Не может быть, чтобы... – заговорила я.

– Они не уехали, – сообщила сестре Джейни. – И они, скорее всего, рисковали вообще потерять дом. Возможно, поэтому мы и смогли его себе позволить.

– Тогда где они? – недоверчиво переспросила Люси.

Я пожала плечами:

– Живут где-то в городе, наверное.

– Ну тогда это все проясняет. Нет, конечно, записка все равно безумная, но теперь, по крайней мере, ее безумие объяснимо, – Люси устало потерла виски. – Надо сказать маме с папой.

– Да, – ответил Бен. – А еще, возможно, кое-кому надо извиниться за беспричинные подозрения.

– Не такие уж и беспричинные, – Люси потрясла головой. – Я думаю, мой кредит еще не исчерпан. Минимум несколько лет безо всяких извинений.

Бен лишь покачал головой.

– Не думаю, что это сделал кто-то из Лэнсомов, – я заставила себя выступить в их защиту. – Уверена, что это не они. – Я посмотрела на Джейни, надеясь на поддержку, но

что она могла сказать? Она же не знает Тэтчера Лэнсома. Будем честны, я и сама не то чтобы его знаю. Но я продолжала: – Это просто не в их духе. – Мой голос становился все тише. – Мне кажется, вы преждевременно делаете выводы. Нельзя быть уверенными.

– Мы не можем быть уверены ни в чем, – сказала Джейни. Интересно, имела ли она в виду и меня тоже.

И вдруг зазвенел звонок.

На лицах остальных отразился такой ужас, что мне стало невероятно стыдно, что я им не сказала, что скоро придет мама. Джейни открыла, и на ее лице мелькнуло облегчение.

– О, миссис Дэнверс, здравствуйте! – Она повернулась к Люси и Бену. – Это мама Оливии.

– Как считаете, стоит ли попросить у миссис Дэнверс образец почерка? – произнес Бен, но затем поднялся и протянул руку: – Рад с вами познакомиться.

– Что у вас тут происходит? Оливия, не хочешь меня просветить?

Мама смотрела на меня с ожиданием и растерянностью. Зачем я вообще втянула ее во все это? Я понадеялась, что автор письма не прячется где-нибудь в кустах с дорожкой перьевой ручкой и не вписывает мою мать в какую-нибудь зловещую «тетрадь смерти».

– Ну, тут кое-что произошло. – Я обвела взглядом комнату в надежде, что кто-то из Донахью возьмет на себя труд все объяснить.

– Да уж я догадалась! – Мама хлопнула в ладоши. – А ваши родители дома?

И тут, словно по сигналу, мистер и миссис Донахью появились со стороны дворика, тихо о чем-то переговариваясь. Сейчас они смотрелись чудесно, словно семья с открытки, а не гости шоу Divorce Court⁵.

– Добрый вечер, – сказала моя мама, прежде чем я успела ее представить. – Я Мелинда Дэнверс, ваша соседка.

– О, так вы мама Оливии! Добро пожаловать. Простите, мы не ждали гостей и убрали со стола.

– Спасибо за ужин, миссис Донахью, – сказала я на автомате.

– Не стоит благодарности, Оливия. И прошу нас извинить за то, что дискуссия за столом стала слишком напряженной.

Моя мать тут же наострила уши, и я решила вступить.

– Я написала маме и попросила ее зайти. Мне показалось, что вы можете с ней посоветоваться. – Все непонимающе смотрели на меня, и я добавила: – Насчет письма.

– О, как это мило. – Миссис Донахью повернулась к мужу. – Не правда ли, мило? – А потом к моей матери: – Мы так рады, что девочки подружились. Вы воспитали чудесную юную леди. Правда, Гэвин? – Мистер Донахью кивнул.

Затем миссис Донахью опустила глаза и посмотрела на белую картонку в своей руке так, словно впервые ее видит, а потом торопливо сунула обратно в конверт.

⁵ Американское ток-шоу о скандальных разводах.

– О, это сущие пустяки.

– Что произошло? Оливия что-то натворила?

– Нет, – тут же твердо возразила я. – Мама, я ни при чем. –

Мне снова захотелось выскочить за дверь, я словно чувствовала подозрительный взгляд Люси и покраснела.

– Ничего такого. Судя по всему, мы стали жертвами нелепого розыгрыша. Но мы вовсе не считаем, что в этом виновата Оливия или кто-либо еще из детей.

Миссис Донахью твердо оглядела каждого из присутствующих, словно бы повторяя то, что только что сказала.

– О боже, – только и сказала моя мать, но бросила на меня взгляд, говоривший, что мне не следовало втягивать ее в эту историю. – О боже, – повторила она, и мне показалось, что она так и будет это повторять, пока кто-нибудь другой не произнесет что-нибудь более осмысленное.

– У вас есть минутка, Мелинда? Позвольте, я вам кое-что покажу.

Миссис Донахью взяла мою мать под руку и увлекла в патио, закрыв за собой стеклянные двери. Так что от разговора удалось уловить только обрывочные детали: что-то про отсутствие марки и про то, стоит ли звонить в полицию.

– Ладно. – Отец Джейни дважды хлопнул в ладоши. – Семейный совет. На диване. – Я примерзла к месту, не уверенная, что он имел в виду и меня тоже, но он жестом предложил мне сесть. – Пока мама все обговорит с миссис Дэнверс.

Джейни подвинулась, чтобы освободить мне место. Ее

отец словно бы кивнул сам себе, а затем разразился речью.

– Думаю, все согласны, что сегодня произошло странное событие. Мы все устали и, возможно, несколько более эмоциональны, чем обычно. Переезд – это всегда напряженное время; я бы сказал, это второе по напряженности событие в жизни человека.

– А первое какое? – тут же вклинилась Люси.

– Свадьба, – он было засмеялся, но, осознав, что никто больше не смеется, резко умолк. – Но что я хотел сказать: давайте-ка все приструним свое воображение. Правильно? Это ведь просто розыгрыш, как по телефону, только на бумаге. Какой-то мерзавец все это устроил, но вам не о чем волноваться. Мы с вашей матерью с этим разберемся и будем держать вас в курсе. – Он широко ухмыльнулся. – Отличный план, верно?

Он кивнул, и мы все тоже закивали, потому что было ясно, что иначе он не перестанет это делать.

– Отлично. – И он снова кивнул, на этот раз по направлению к столовой. – Оливия, я бы тоже хотел кое о чем спросить у твоей мамы.

Как только дверь за ним захлопнулась, Люси шумно вздохнула, а Джейни произнесла:

– Крайне сомнительный план.

– У меня есть свой. – Бен встал с дивана и потянулся. Звук хрустнувших позвонков заставил меня подумать о скрипе половиц под чьими-то ступнями или раскалывающейся от

ударов двери. – Ну? – В этот раз он смотрел на Люси.

– Да, – Люси кивнула, но на этот раз с чувством. – У нас есть план.

– И какой же? – поинтересовалась Джейни.

Люси и Бен обменялись долгими взглядами. И Люси сказала:

– Если какой-то мерзавец решил нам угрожать, мы найдем его.

– Именно, – согласился Бен. – Надо найти мерзавца.

Глава 6

Мы успели пройти только один дом, как моя мать перешла в атаку.

– Не стоит проводить столько времени в особняке Лэнс-
мов, – она говорила медленнее, чем шла, и каждое слово бы-
ло словно новый кирпич в стене между мной и Джейни.

– Ты хочешь сказать, особняке Донахью?

– Ты знаешь, что я хочу сказать. Джейни может приходить
к нам в гости, вы можете сколько угодно ходить в бассейн,
но нужно дать ее семье немного отдохнуть. Наладить жизнь
и хозяйство в таком большом доме и так непросто, особенно

когда у тебя под ногами путаются посторонние дети.

– Мам, это чушь.

– Разве? Скажи мне, когда в последний раз ты просила меня забрать тебя из гостей?

– Никогда. Просто я испугалась. Но больше не буду так делать, потому что ты наказываешь меня за то, что я попросила тебя о помощи.

Такое обвинение сработает. Мы обе это знали. Теперь все зависело лишь от того, как долго мы сможем притворяться, что мама не обратила внимания на эту фразу.

– Лив, я и не ожидаю, что ты поймешь...

– Да? Тогда хорошо, потому что я и правда не понимаю! Джейни не виновата, что какой-то сумасшедший подсунул угрозы им в ящик.

– Это наименьшая из проблем этой семьи, Оливия. – Мама понизила голос почти до шепота, хотя мы были уже во дворе собственного дома и Донахью никак бы нас отсюда не услышали. – Ты просто не замечаешь. Иногда на поверхности все хорошо, но внутри кроется гниль.

Она открыла дверь с сеткой, пропуская меня вперед, и мне пришлось войти внутрь, хотя я мечтала остаться на ступеньках, наблюдая за домом на Олкотт, 16. В качестве компромисса я плюхнулась на чересчур туго набитый диван на террасе и уставилась на видневшиеся в отдалении башенки дома.

Гниль – это довольно сильное слово. Было приятно, ко-

гда отец Джейни пригласил меня поучаствовать в собрании, словно я тоже часть семьи. Я наслаждалась постоянной суетой, царившей в их доме, бегом вверх-вниз по ступенькам. И даже спор за ужином доставил мне удовольствие. У нас дома все было слишком спокойно. И мы почти никогда не обсуждали за столом что-либо важное. Обычно мы говорили о цифрах: о моих спортивных достижениях, пробеге одной из отцовских машин, о том, сколько мама потратила на тот кусок мяса, который дымился сейчас у нас в тарелках... Конечно, мне было неловко, когда мистер и миссис Донахью начали ссориться – но они, по крайней мере, разговаривали друг с другом. Я задумалась и не смогла вспомнить, когда мнение кого-то из моих родителей было настолько важным для другого, чтобы начать спорить.

* * *

На следующее утро я собралась на пробежку и увидела, что за кухонным островком восседает тетя Джиллиан, мама разбирает посудомойку, а отец читает газету.

– Ты не можешь просто запретить ей туда ходить, – говорила тетя. Я попяtilась вверх по ступенькам и мысленно принялась ее подбадривать.

– Конечно, могу. Я ее мать. Часть моих обязанностей заключается в том, чтобы запрещать.

– Ты мать подростка, запрет только настроит ее против

тебя. Можешь просто сразу начинать платить соседям за то, что Оливия к ним переедет.

Я услышала шуршание бумаги, и мой отец вздохнул:

– Вообще не понимаю проблемы.

– Просто предчувствие, Брэд. Я не могу толком объяснить. – И отец, и тетя Джиллиан стали возражать. – Да знаю я, знаю. Но я доверяю своим инстинктам. Этот Донахью такой вкрадчивый, как лис. Все время было такое чувство, что он пытается мне что-то продать. Что-то с ним не так. Да и вообще странная история. Ладно непонятное письмо, но вокруг него накрутили столько драмы! Она собиралась звонить в полицию из-за этой злосчастной бумажки.

– Ну, по правде сказать, письмо и правда довольно пугающее, – заметила тетя Джиллиан.

– Да, но устраивать из-за него истерику? А он все спрашивал, «из этих» ли наш район. Мне все хотелось уточнить, из каких еще «этих».

– Послушай голос разума: это не та ситуация, в которой стоит ложиться костью. – Я услышала, как мой отец сложил газету. – И кстати, насчет платы за аренду: Джилл, когда ждать чек? Если я правильно понял, наш дом теперь – твоя официальная резиденция.

– А что, найдется для меня местечко, Брэд?

Конечно, они оба шутили, но, как и всегда между моей тетей и моим отцом, в этих шутках было двойное дно.

– Так, хватит. – Внимание моей мамы переключилось с

семейных проблем Донахью на свои собственные. Но сейчас они меня мало занимали. Я встала и нарочито громко пошла вниз по лестнице. Когда я легко промчалась сквозь кухню, все были чем-то заняты, делая вид, что вовсе не сплетничали только что о Донахью, как семиклассницы на пижамной вечеринке.

– Ты на пробежку? – неестественно веселым тоном спросила тетя Джиллиан.

– Угу. – Как будто шорты и кроссовки нужны для чего-то другого.

– А потом? – снова задала вопрос тетя Джиллиан, но ответ был нужен моей матери.

– Не знаю. – Я попила воды, закрыла холодильник и посмотрела на нее в упор.

– Если пойдешь к Джейни... – начала она и умолкла. Повисла звенящая тишина, словно все затаили дыхание в ожидании продолжения. – Если пойдешь к Джейни, позаботься о том, чтобы телефон был включен. И время от времени общай, как дела.

– Можно я буду просто пинговать?

Это означало, что можно ничего не писать, а просто отправлять слово «пинг» – и станет ясно, что я жива, все в порядке, меня не нужно спасать.

– Конечно.

Мама и папа обменялись взглядами – дружескими, словно они выступали за одну команду и мама только что показала

отличное время.

– Ладно, – сказала я и добавила: – Я вас люблю.

Я обращалась ко всем сразу и в тот момент действительно так чувствовала. Отец не предложил пойти со мной, чтобы засекал время, и я была не против. Я сделала несколько глубоких вдохов, встряхнулась, чтобы расслабиться, и побежала.

Топая по району, я заново прокрутила в голове все, что знала о Донахью. Каждую неожиданную грань каждого из них, которая мне открылась, каждый свой незадаанный вопрос. И как ни тяжело было это признать, в словах мамы было зерно истины. Мистер Донахью производил впечатление человека, стремившегося добиться успеха во всем, за что бы ни брался. Как будто он мечтал покорить весь мир. На ежегодном корпоративе в компании, где работала моя мама, начальник всегда приглашал фокусника, чтобы тот ходил по залу и развлекал детей. Но он так старательно исполнял свои номера и так часто ошибался, что в итоге все пытались очень увлеченно смотреть в свои тарелки, чтобы фокусник к ним не подходил. Вот и мистер Донахью производил похожее впечатление.

Миссис Донахью казалась более искренней – до того как уселась напротив своего мужа тем вечером. Или, может, она просто лучше маскировалась. Я вспомнила о схемах распределения работы по дому, которые она составляла, и о том, как сдержанно она разговаривала с детьми. Интересно, поз-

воляет ли она себе хоть иногда расслабиться. Если бы у моей мамы было больше терпения, они бы даже могли подружиться.

Люси – резкая, озлобленная и в постоянном напряжении. Она меня пугала – такое чувство, что ее вообще ничем не пронять. Джейни говорила, что Люси будет притворяться, что хорошо ко мне относится, и иногда она действительно это делала. Но в остальное время было очевидно, что Люси на самом деле всех ненавидит и постоянно в одном шаге от того, чтобы объявить об этом во всеуслышание.

Я ускорила бег и призналась себе, что отношение Бена волнует меня больше, чем стоило бы. Прошлым вечером, отпуская шуточки, которые должны были заставить Люси и Джейни завопить от возмущения, он поглядывал на меня. Он не считал меня пустым местом.

Но у него явно был какой-то скелет в шкафу. Что-то, случившееся в Нортхэмптоне. Это словно на лбу написано. И его родители обращались с ним осторожно, словно он был хрупким цветком. Или гранатой, готовой вот-вот взорваться.

И, конечно, Джейни. Вся окутанная тайнами, самая настоящая русалочка. Она постоянно что-то набирала на телефоне, когда думала, что я не вижу, но никогда не рассказывала о друзьях на старом месте. Я знала ее, но словно бы не могла преодолеть завесу тайны. Так что я просто бежала. Бежала, несмотря на боль в боку и в груди, несмотря на резь в мышцах.

Пробегая через парк, я вдруг заметила Джейни на скамейке, словно призвала ее своими размышлениями. Пришлось сойти с дистанции и замедлить бег. Джейни сидела расслабленно, сегодня ее темные волосы были собраны в косу, а светлые прядки поблескивали на солнце.

– Можешь не останавливаться ради меня, – сказала она, когда я поравнялась с ней. – Я просто сижу.

– Мне все равно надо передохнуть, – тяжело дыша, сказала я. – Что ты тут делаешь?

Джейни огляделась:

– Отдыхаю в парке.

– Ну да, просто... – я успела поймать себя за язык раньше, чем произнесла что-то вроде «Но это мой парк».

Но Джейни все равно это поняла.

– Я не обязана везде ходить с тобой.

– Я люблю сюда приходить.

– Но это не твой личный парк.

– Ничего себе. – Я чуть было не спросила что-то в духе «Что на тебя нашло», но на самом деле и так это знала. Это была естественная реакция на мое проявление собственности.

Джейни тоже взяла себя в руки.

– Извини, – сказала она. – Просто... понимаешь, иногда очень хочется перестать чувствовать себя гостьей. В парке, в бассейне, даже в собственном доме.

Я села с ней рядом и уперлась ногами в сетчатую ограду.

– Ты испугалась? Получилось заснуть?

– Да, я спала. – Джейни наблюдала, как я потягиваюсь. –

А что говорит твоя мама?

Что бы такого ей сказать, чтобы не стало еще хуже.

– Она считает, что это тупая шутка. Возможно, дети.

– Мы тоже дети.

– Ну, ясное дело, она не имела в виду нас.

– Ну да. Вот скажи, тебе бы такое могло прийти в голову?

– Нет, конечно.

– Именно. Я не думаю, что это сделали дети.

– А кто тогда? Думаешь, кто-то правда настолько сходит с

ума по этому дому, что столетиями следил за его жителями?

Серьезно? Над вами просто подшутили. И мне очень жаль,

правда. Это мерзко, и вы этого не заслужили. Этого никто не

заслуживает. – Я встала. – Слушай, мне надо в душ. Хочешь,

потом пойдем в бассейн? Можешь взять маму, чтобы она вас

всех записала. И тогда ты будешь меньше чувствовать себя

гостьей. Или давай попросим Люси пойти в школу и...

– Мне нужно домой, – сказала Джейни равнодушным го-

лосом. Раньше я не слышала, чтобы она так говорила. – Ма-

ма хочет, чтобы мы все были дома. У нее встреча с риелто-

ром.

– Джейни, ты в порядке?

– У тебя когда-нибудь бывало чувство, что ты не можешь

что-то обогнать? – Она посмотрела на меня, и на мгновение

мне показалось, что сейчас она заплачет. Но она захихикала

– поначалу несколько истерично, но потом, наконец, стала похожа на саму себя – ну или, по крайней мере, на ту себя, с которой я была знакома уже целых пять дней.

– Извини, – сказала она. – Стоило посмотреть на тебя. – Она показала на мои кроссовки и спортивную одежду. – Ты тренируешься специально для того, чтобы обогнать кого угодно.

Она засмеялась еще громче, я попыталась к ней присоединиться – но на самом деле все это не казалось мне особенно смешным. Это был довольно странный вопрос, в особенности из уст четырнадцатилетней девочки, и во мне зашевелилось неприятное чувство, что мама, возможно, права.

Может, в семье Донахью и правда есть какая-то гниль.

Впрочем, это не удержало меня от того, чтобы пойти с ним сразу после душа. Я написала Джейни: «Тебе что-нибудь нужно?» Она ответила: «Ты имеешь в виду оружие?» – и это дало мне некоторое представление о том, чего ожидать. Она написала: «Просто заходи внутрь», но вламываться в чужой дом по-прежнему было неловко, так что я подошла к задней двери и слегка постучала, надеясь, что она в кухне. Но дверь открыл мистер Донахью; он говорил по телефону, так что поздоровался со мной одними губами и трижды показал наверх – я расшифровала это как «иди на третий этаж».

Все собрались в комнате башни. Люси сидела на кровати, подогнув под себя ноги, на коленях лежал айпад. Джейни сидела на краешке обитого мехом табурета перед старин-

ным туалетным столиком. А Бен развалился в меховом кресле-мешке.

Если комната Джейни была калейдоскопом ярких цветов и пестрых узоров, комната Люси выдавала в ее обитательнице убежденную перфекционистку. Кровать, книжные полки, стулья, ковры – все сияло безупречной белизной. Мне даже стало страшно садиться. Выходя из дома, я захватила со стола черничный маффин – а вдруг какая-нибудь злосчастная крошка прилипла к ноге?

Из-за закругленных стен комната была теснее обычного. Люси напихала внутрь столько белых подушек, легких одеял и пушистых ковров, что было такое чувство, словно нас засунули в середину рулона бумажных полотенец. Было тесно, но не сказать чтобы неудобно – все очень мягкое и приятное на ощупь.

– Добро пожаловать в Операционный центр, – сказал Бен и выпрямился. Я услышала, как частицы набивки закрипели под его весом.

Люси указала на другой конец своей кровати:

– Садись.

– У тебя очень красиво, – сказала я, аккуратно садясь на край белого покрывала.

– Она имеет в виду «нелепо», – прокомментировал Бен. – Сколько белых медведей погибли ради того, чтобы ты могла обставить свой дворец Снежной королевы?

Джейни повернулась в мою сторону на стуле:

– Мы разрабатываем план нападения?

Ее голос прозвучал так, словно это вопрос, и она бросила взгляд на Люси, словно ожидая подтверждения. В присутствии старших брата и сестры она словно казалась младше. Но, может, во всех семьях так происходит.

– Записка у вас? – спросила я. Все трое помотали головой.

– Мама оставила ее себе, – сообщила Джейни. – Хочет показать риелтору.

– Зачем? – удивилась я, и все трое пожали плечами.

Люси скучающим тоном произнесла:

– Я помню ее наизусть.

Джейни сказала:

– Мы составляем список подозреваемых.

– Ясно, – кивнула я, и, не успев остановиться, глянула на экран. Он был белым и пустым, как и все остальное в комнате.

– Ты в него неходишь, – ободряюще сообщила мне Джейни.

Бен взглянул на меня:

– По этому поводу мы не пришли к согласию.

Я решила, что он пошутил.

– Если бы я писала письмо с угрозами, оно было бы адресовано лично тебе, – вдруг вырвалось у меня.

– О нет, Оливия выпустила когти! – вскричал Бен. Я заметила, что Люси и Джейни переглянулись.

– Простите. Значит, я не вхожу в список. А кто входит?

– Это ты нам расскажи. – Люси взяла стилус.

А Джейни добавила:

– Мы подумали, что ты знаешь всех, кто живет по соседству. Кто-нибудь приходит на ум? Может, кто-нибудь немного... того?

– Нет! Ну то есть, я хочу сказать, что ничего не приходит в голову.

– Да ну, это бред. В любом районе есть ребята со странностями. – Бен хлопнул ладонью по полу. Помните мистера Кадди? Он не разрешал парковаться напротив его дома.

– Угрожал, что будет оттаскивать на буксире, – сказала Джейни.

Люси добавила:

– Наших бабушку с дедушкой и правда это постигло рождественским утром.

– Он был слегка со странностями.

– Да он был просто чокнутый!

– Ну, здесь таких нет. – Потом я задумалась. – Папа говорит, что мистер Парк злится, что люди не выпальывают одуванчики. – Джейни выглядела непонимающе, и я пояснила: – Семена разносит ветром, и они распространяются. А как-то раз он пытался собрать всех, чтобы вместе поехать в супермаркет и купить одну и ту же жидкость против сорняков. Но идея как-то не «взлетела».

– В записке ничего не было про сорняки, – заметил Бен.

– Ну да.

– А женщина на углу? Которая живет в желтом доме?

– Мисс Эббот?

– Я не знаю, как ее зовут. Она похожа на Анну Винтур, только старше.

Я наблюдала, как Люси записывает имя милой пожилой леди, которая всегда хвалила мой внешний вид, когда я шла в школу первого сентября.

– Мисс Эббот никогда бы не написала ничего подобного, – сказала я.

– Она постоянно смотрит в окно. Или сидит во дворике и смотрит на улицу. Наблюдает.

– Просто она курит.

– И что?

– Поэтому часто сидит во дворике.

– А окна?

– Ну так ведь затем они и нужны, чтобы в них смотреть.

– Это подозрительно. Она замужем? У нее есть дети или внуки?

– Вы же знаете, что именно так все начиналось в Салеме, правда?

Люси закатила глаза:

– Мы родом из Массачусетса, – сообщила она. – Так что мы прекрасно знаем, что произошло в Салеме.

– Ну тогда вы должны знать, что в колдовстве обвиняли женщин, живших в одиночестве, потому что они не могли рассчитывать на защиту семьи. А судьи просто хотели полу-

чить их землю.

– У нас есть своя земля, – сказала Люси.

– У нас даже башня есть. – Бен показал на потолок.

– Но нельзя же ни с того ни с сего начать подозревать пожилую леди, которая тут прожила всю жизнь!

– Так в этом же и смысл, – Люси заговорила громче, чтобы перекричать меня, и посмотрела на Джейни с выражением, на котором читалось «а я тебе говорила». – Ты же видела записку. Мы ее не придумали. Кто-то ведь ее написал. И там сказано «много лет назад». Ты не находишь, что к мисс Эббот это вполне могло бы относиться?

– Она курит.

– Ты уже это говорила.

– А записка пахла сигаретами? Хоть немного?

Люси вздохнула:

– Я ее не нюхала.

– Не пахла. – Мы все ошарашено посмотрели на Бена. – И не надо так на меня смотреть. Я просто использовал для анализа все органы чувств. Она пахла бумагой, ну, может, еще немного сыростью, как промокший картон.

– Полностью исключать ее не будем, – решила Люси, – но пока давайте двигаться дальше.

Все молчали, пока наконец не заговорила Джейни.

– Лив, только не становись в защитную стойку, ладно? – Долгое молчание. – Есть еще кое-кто, кого мы должны учесть. Некоторые люди. – Я ждала. Секунды шли одна за

другой. Джейни глубоко вздохнула и произнесла: – Я не так уж хорошо их знаю, но из того, что мне все-таки известно... – Она растерялась и умолкла.

Я оглядела их всех, когда меня осенило:

– Ты что, имеешь в виду моих родителей?

– Что? Нет, конечно! Я говорю про Брук и Кайю. Не то чтобы я их осуждала, но Брук, по-моему, наслаждается интригами.

– Может, перестанешь уже извиняться и просто скажешь то, что думаешь? – Люси бросила стилус, и он оставил длинную извилистую линию рядом с неправильно написанным именем Брук. Она повернулась ко мне. – Судя по всему, твои подруги были не слишком рады появлению новенькой в их компании. Может, они злятся, что ты забросила их ради Джейни? Или это какое-то испытание, чтобы стать частью вашей «крутой» тусовки? Не может такого быть?

Наверное, это было предательством по отношению к Брук и Кайе, но я не разозлилась на Люси и Джейни за эту идею. Я в целом даже понимала, как Джейни могла прийти к такому умозаключению. Но это не похоже на правду.

– Все слишком хорошо продумано, – сказала я. – Если бы это были они, они бы обязательно перестарались. И еще они бы напечатали письмо – я ведь могу узнать их почерк.

– Прекрасный анализ, – сказал Бен, и я сделала над собой усилие, чтобы не дать его словам на меня воздействовать. – Но мы все игнорируем очевидное: бывших хозяев этого до-

ма. Сами Лэнсомы или их дети – в зависимости от того, кто больше расстроен переездом.

– Доктор Лэнсом, говорят, не в себе. – Сказав это, я тут же пожалела, что вообще кому-то рассказала о подслушанных разговорах мамы с тетей Джиллиан.

Люси наклонилась ко мне:

– В каком смысле?

– Точно не знаю.

– Он с катушек съехал? – спросил Бен. – Он мог такое устроить?

– Я не знаю.

Люси записала: «Лэнсом»; потом аккуратно подчеркнула и добавила: «Д-р Лэнсом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.